

в мире кра

● ДИАЛОГ С НАРОДНЫМ АРТИСТОМ

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

Мысль, только мысль...

Свое «лица необщее выражение» отличает дарование народного артиста БССР Геннадия Гарбука. В этом году он начал свой 23-й театральный сезон.

Встретиться с Геннадием Гарбуком в свободное время удалось не сразу. Не было у актера этого свободного времени. В театре на выпуске был «Плач перепелки» по роману И. Чигринова, где он готовил роль Никиты Дранницы. Репетировали утром и вечером. А после репетиций и в выходные дни уезжал в Березинский заповедник, где шли съемки четырехсерийного фильма по роману Ивана Мележа «Люди на болоте» режиссера В. Турова. В фильме Гарбук играл роль Тимофея Чернушки, отца Ганны.

Вспоминая в ожидании встречи, с чего начался для меня актер Геннадий Гарбук, я вдруг обнаружила: жизнь актера, описав круг в 15 лет, сейчас снова привела его в те же Курени, с которых все и начиналось, ведь у многих зрителей Гарбук остался как ясноглазый, светлоголовый Василь Дятлик, герой мележевской «полюсской хроник», поставленной тогда на телевидении.

Успех молодого актера был беспорочным. Роль телевизионного Василя «принесла» звание лауреата Государственной премии БССР. И после этого просто невозможно было не дать ему эту роль в театре, где тоже ставили «Люди на болоте».

На купаловскую сцену Геннадий Гарбук был приглашен из Витебска, из театра имени Якуба Коласа. Очень скоро всем стало ясно — пришел актер с яркой индивидуальностью.

Итак, роль Василя стала поворотной в судьбе актера. И когда у нас встреча состоялась, мой первый вопрос был об отношении Гарбука к этой роли в обоих ее воплощениях — и в театре, и на телевидении и об отношении к новому Василю, с которым он встретился уже как Чернушка — в кино...

— Роль Дятлика дорога мне беспрдельно, — сказал актер. — Роман Мележа почти наизусть знаю, до последней запятой. Курени, Глиници — моя земля. Я уже и сам себя от Василя не отделию — не то, что зрители. И хоть первый мой Василь — телевизионный, но дороже роль — театральная. На телевидении снимались четыре серии, если что-то не получалось, можно было доиграть в другом месте, наверстать. А в театре два часа сценического времени, и в них судьба человеческая, и надо собраться, сконцентрироваться, чтобы всю ее «выплеснуть». Сложная это задача, трудная, но что сложнее дается, то и любимее. И потом, Василь телевизионный как бы отделился от меня, зажил своей жизнью на кинолентке, а Василь в театре — он и сейчас мой, со мною меняется, растет, живет.

Коф в чем моя встреча с Василем окрашена и горечью. В моей жизни Василь, как в актерской судьбе Бабочкина — Чапаев (не в смысле высоты созданного образа, а в смысле первой большой удаче). Потом что ни сделаешь, все с Василем сравнивается, до него будто не дотягивается. Положение такое очень неудобно. И еще: я так привык, что Василь — мой, когда начались пробы на «Беларусьфильме», увидел молодых претендентов на эту роль — почувствовал, что ревную. Но молодого московского актера из театра на Малой Бронной Юрия Казючица принял всей душой: так трепетно работает он над ролью, такой чистый, трогательный. И я ему готов помочь всем, чем могу. Я счастлив, что опять живу в Куренях. Только не Василем, а Чернушкой...

— Геннадий Николаевич, актеру, чтобы состояться, мало только способностей, нужна хорошая школа. Что бы вы хотели сказать о своей школе?

— Одна из основных удач моей жизни — педагогом в Белорусском театральном-художественном институте был народный артист БССР Дмитрий Алексеевич Орлов. Научил он меня — мальчишку из Ушачей, который пел и танцевал с девчонками в школьной самодеятельности и мечтал о театре, не имея о нем ни малейшего представления, — всему, твердым основам актерской профессии. Дмитрий Алексеевич чувствовал индивидуальность каждого из тех, кого взял на свой курс тогда, в пятьдесят четвертом году. С курса нашего вышли такие интересные и разные актеры, как заслуженные артисты БССР Г. Дубов, Т. Кокштыс, Т. Шашкина, все они сейчас работают в Академическом театре имени Якуба Коласа.

В начале каждой новой работы наш учитель говорил нам: «Чем вы можете удивить зрителя? Только горячей мыслью. Пламенным поиском ва-

шими героями смысла жизни». Перед всякой новой работой я повторяю эти его слова.

Неистовый поиск смысла жизни, обостренное чувство справедливости — этим пронизан любой образ, созданный на сцене Геннадием Гарбуком.

Учитель как бы предугадал основную тему в творчестве ученика. Он даже предугадал образы, в которых тема эта прозвучит особенно ярко и остро. В дипломном спектакле «Послание в Сибирь» сыграл Гена Гарбук правдоискателя-солдата...

С тех пор не раз выходил на сцену в серой солдатской шинели правдоискателя, защитника всего святого.

Они все несказанно притягательны, максималисты Геннадия Гарбука. И каждый из них — событие в театральной жизни. Так, в 1978 году был отмечен созданный Гарбуком в спектакле «Святая святых» образ Элины Абабия, гвардии рядового, человека навечно мобилизованного защищать святая святых, корни, связывающие человека с истоками, питающими его, человека, считающего кровным делом своим отвечать за все, что происходит в жизни рядом с ним, призванного самолично выкорчевывать всякую скверну. Именно так неистово должен искать свою истину, свою дорогу и справедливости в этом мире зла и неправды Сымон Зяблик Гарбука из «Разоренного гнезда» Я. Купалы.

Его герои всегда проживают на сцене непросто, неоднозначную жизнь. Мы всегда ощущаем груз их биографий...

Актер Геннадия Гарбука в спектакле «На дне» был явно талантлив, но его миссия художника, просветителя никому не нужна в грязном и убогом мире ночлежки. И он сознательно топил свое ненужное богатство в вине. Погубил в себе художника. Потом спохватился, попытался вырваться, подняться к лучшей жизни, но не сумел. Он дважды убил себя...

Неоднозначным был и его Сиплый в «Оптимистической трагедии». Пронциательный, сильный и изворотливый, исналенный тяжкою флотской службой, он ненавидит всех и вся...

— Геннадий Николаевич! Театр — искусство коллективное. С кем из партнеров по сцене лучше всего вам работалось?

— Мне повезло в самом начале моей работы на купаловской сцене. Ввели меня в спектакль «Кто смеется последним» на роль Зелкина. И я два спектакля сыграл с Тулягой — Глебом Павловичем Глебовым. Ощущение — невероятное... До сих пор помню. Смотрит на меня Туляга круглыми своими глазенками, в них и мягкость, и страх, они прямо приковывают — и вдруг я чувствую, что я — Зелкин, подхалим, сплетник. Все исчезло: и сцена, и зрительный зал, есть только Туляга — Глебов. Какой великий дар был у человека!

— Встреча с каким режиссером произвела на вас наиболее сильное впечатление?

— Под руководством Леонида Хейфица в работе над спектаклем «Гроза» мы сумели отказаться от хрестоматийного взгляда на классику, стали искать жизненную основу образов. И мой Тихон с помощью режиссера получился не глупым простаком, сидящим под каблучком маменьки Кабанихи, а несчастным человеком, бесконечно любящим Катерину, затравленным властной матерью, увиденный в момент, когда у него иссякли последние силы. Смерть Катерины мой Тихон не переживет...

— Какая из работ наиболее дорога вам?

— Антонио Террачини в спектакле «Память сердца», где я должен был исследовать психологию человека, постигающего наш образ жизни и выстрадавшего свое решение — ради блага сына не открывать юноше, что он, Антонио, итальянец, отец этого советского парня. И в профессиональном плане стояли передо мной совсем новые задачи. Надо было сменить некоторую замедленность белорусской пластики на итальянскую живость. По этой же причине мне очень интересно было играть искрометного французского папу в комедии «Двери хлопают».

— Случались ли в работе вашей неудачи?

— В первые годы у меня до слез не получался водевиль...

— Этому трудно поверить после того, как мы видели вашего Евмена в водевиле М. Чарота «Никитов лапоть» — эдакого анекдотического сельского Отелло. Зал просто плачет от смеха...

По-иному, но тоже очень смешно Силан Клепник из «Погорельцев» А. Макаенка, этот «двойник бельгийского короля Леопольда», демагог в галифе, весь пафос жизни которого — примазаться, устроиться, урвать себе побольше...

Геннадий Николаевич, вы преподаете в Минском институте культуры. Какую истину считаете первичной для своих студентов?

— Завет моего учителя: «В театре вечно нова только индивидуальность художника. Только страстная мысль актера способна потрясти зрителя...»

Беседу вела
Мая ГОРЕЦКАЯ.